

Имя — иметь; Name — nehmen, nahm: этимологические соответствия.

It is such an imprecise art.

Из письма.

Для передачи на русском языке иностранных личных имен существуют три основных способа: транскрипция, то есть более или менее сходное изображение звуковой формы имени; транслитерация, то есть воспроизведение кириллицей буквенной структуры имени; и собственно перевод, предполагающий передачу имени наличными лексическими средствами. Начнем настоящий обзор с перевода.

Перевод имен понимается двояко. Во-первых, многие распространенные английские имена имеют параллели в русском: Иван — Джон, Катерина — Кэтрин, Михаил — Майкл и пр. Эти пары образовались исторически, благодаря близости культур, наличию общих религиозных текстов, давнему соприкосновению литератур (с китайскими именами у нас таких пар пока нет). И сперва, когда начали переводить на русский английские тексты — несколько позже, чем немецкие или французские, — для передачи имен пользовались именно такими русскими эквивалентами — ср. “Николай Никльби”.

Помимо этого есть еще и собственно перевод, по смыслу. Естественнее всего ему поддаются *значимые* имена типа индейских Leather Stocking — Кожаный Чулок, Running Deer — Бегущий Олень и т. д. При переводе передается их значение, в то время как Раннинг Дир, Ледер Стокинг были бы бессмысленным набором звуков. Дают возможность для прямого перевода и смысловые имена другого рода, например широко распространенные “цветочные” и “назидательные” имена, обычно женские: Rose, Heather, Peony, Honeysuckle, Charity, Faith, Prudence. Однако возможность эта, как правило, оказывается нереализуемой. Иногда мешает грамматический род: Пион, Вереск; Милосердие, Благоразумие. Или эти же слова просто не воспринимаются русским ухом как имена, если текст жизнеописательный и более или менее современный. Например, Радость (Joy). Однако даже если нет грамматических или стилистических препятствий, как в случаях Вера/Faith, Роза/Rose, все равно члены пар обычно оказываются далеко не адекватны. Имена Роза и Вера рисуют их носительниц совсем не такими, как Rose и Faith.

Имя очень многое сообщает о человеке, в частности, оно служит знаком принадлежности к тому или иному этническому и социальному множеству. Скажем, по-русски Луша (транскрипция имени Lucia) — это, кроме прочего, “деревенское” имя. Сейчас такое различие постепенно вымывается из обихода — вспомним, однако, известное стихотворение Блока “Над озером” (1907), где герой “нежную и тонкую” деву мысленно нарекает Текла, а увидев в ней грубую мещанку, кричит ей: “Фекла! Фекла!” Или этнический пример: постоянно поминаемое отчество некоего современного политика — Вольфович, — которое выделяет его из одной общности и помещает в другую.

Для вящей наглядности можно еще вспомнить трех братьев из одной latinoамериканской страны, которых звали Владимир, Ильич и Ленин. И нетрудно себе представить, что это могут быть за люди.

Понимаю, что сказанное здесь — конечно упрощение: в нынешнюю эпоху всемирных коммуникаций имена приобретают интернациональный характер. Но не одни только современные книги мы переводим. А языковые реальности нельзя не брать в расчет. Переводя английские книги “про англичан”, мы хотим, чтобы имена показывали персонажей англичанами.

Переводчику, имеющему дело со значимыми именами, приходится поэтому иной раз идти на ухищрения — с той или иной долей успеха, — но и возможности открываются довольно разнообразные.

Простой случай: девочку в современном рассказе (Т. Корагессана Бойла) зовут *Jasmin Honeysuckle Rose* — “Жимолость”, что не воспринимается в русском тексте как имя, если текст — не притча, не сказка и не фантазия. Переводчик удачно поменял один из цветков, и вышло вполне англоподобно и смешно: Жасмина Фиалка Роза.

Или из моего собственного опыта. В одной книге Дж. Гарднера фигурировал благородный человек по имени *mister Knight*. При транскрипции теряется смысл, даже для понимающих по-английски имя “Найт” значит скорее “ночь”. Мистер Рыцарь, со специфическими звуками Ы, Ц, РЬ очень уж не похоже на английское имя. По совету коллеги, которому от души признательна, назвала его — мистер Ланселот, тем самым сохранив и англообразный облик, и благородный смысл.

Обычно же для передачи по-русски английских смысловых имен переводчики выбирают смысловую основу и оформляют ее на “английский лад” с помощью разного рода англоподобных формантов: учитель Роззги, доктора Фершалл и О’Коновалл, мистеры Купли (торговец), Капли (аптекарь), миссис Гнилль. Или более сложное решение: уважаемая фирма “Кошкью, Вошкью, Мошкью, Печкью, Лавочкью и Ко” в доме № 10 по Сучкью-стрит” (из Э. По).

Особый случай — библейские имена. Библейские имена перешли в русский из переводов книг Ветхого и Нового заветов, в которых они, будучи переведенными с греческого, сохраняют характерные греческие черты: Фома, Авраам, Иаков, Юдифь и ряд других (ср. в латинском изводе: Томас, Абрахам, Якоб, Юдит и др., — или в позднейшей англизированной форме: Джейкоб, Джудит). На греческий лад, по строгой традиции, именуется в русских текстах библейские персонажи: Авраам, Иаков, Иезавель, Юдифь. В том же виде они, естественно, появляются во всех библейских цитатах и аллюзиях — тут проблема может быть только в том, чтобы различить такие цитаты и аллюзии в литературном тексте, тем более что англоязычные книги традиционно изобилуют библейскими ссылками и намеками.

С другой стороны, библейские имена широкоупотребительны в англоязычных странах, их носят реальные люди, а современный перевод стремится, по возможности, передать их английское звучание средствами транскрипции. Переводчик вынужден решать, что в данном тексте важнее: переключка с Библией или реальное жизнеописание, — и делать выбор.

Так, например, фраза, открывающая роман Мелвилла “Моби Дик”, содержит библейское имя: *Call me Ishmael*. Есть возможность его транскрибировать: Ишмаэл, но можно воспользоваться и старой цитатной формой: Измаил. И если проанализировать

стилистику и интонацию начальных глав романа, почувствовать их возвышенный строй, отчетливую связь с библейскими мотивами и персонажами, понимаешь, что здесь Измаил — тот самый, библейский, который “между людьми, как дикий осел”, и что квакеров — судовладельцев и капитанов правильнее назвать по-библейски: Ахав, Фалек, Вилдад, а не Эйхаб, Пилег, Билдэд.

Помимо собственно библейских персонажей, библейские имена в греческой форме традиционно имеют в русских переводах святые и церковные деятели высших степеней.

С другой стороны, старинную библейскую (или латинизированную европейскую — для более поздних времен) форму имеют в русском тексте по традиции имена европейских монархов: королева Елизавета, а не Элизабет, Иоанн Безземельный, а не Джон; король Георг, а не Джордж, Иаков, а не Джеймс и т.д. Кстати, если нынешний принц Уэльский Чарльз унаследует престол своей матери, он по-русски будет зваться король Карл.

В применении библейской формы имен есть свои пограничные области неопределенности. Так, по чьему-то произволу, в современных русских справочных изданиях архиепископ Кентерберийский — канонизированный святой Thomas a Becket зовется Томас Беккет, а не Фома. В то же время знаменитый английский ученый и философ известен у нас как *Иеремия* Бентам. Недавно в одной московской газете писателя Лоренса Стерна назвали *Лаврентием*. Хотел ли автор статьи подчеркнуть, что создатель “Тристрама Шенди” был священником, не знаю, но выглядело это достаточно странно. А уж когда в юмористическом рассказе П. Г. Вудхауса персонаж, действующий рядом с Джорджем, Эгбертом и Эванджелиной, оказывается Игнатием, это вызывает недоумение. Правда, имя Ignatius трудно поддается транскрипции, но это уже другой разговор.

Практическая транскрипция — особая тема. Имя — неотъемлемая принадлежность личности. При переходе из языка в язык его значение, хоть и не сразу, но перестает сознаваться (ср. Виктор — победитель), а материя, звучание сохраняются. И при упоминании имени в другом языке они, по возможности, воспроизводятся. Так стремимся делать сегодня мы. Так делали в античные времена. Именно благодаря древней транскрипции собственных имен 150 лет тому назад была произведена первая расшифровка древнеегипетского письма по Розеттскому камню, на котором на трех языках были выбиты одни и те же имена.

Конечно, такая транскрипция очень условна, это не научная фонетическая, а так называемая практическая транскрипция.

В русском и английском языках, например, аналогичные гласные и согласные не только звучат очень по-разному, но ряду английских звуков в русском языке вообще нет соответствий — и наоборот. Английское произношение вариативно, есть свои нормы в разных англоязычных странах и в разных местных диалектах в границах одной страны. А в кириллице нет, например, средств даже для приблизительной передачи таких звуков, как [X], [A], [T], [D] и др. Отдельное замечание по поводу дифтонга [ou]: в русском такого дифтонга нет, русская речь в заимствованных словах разлагает его на два слога, а при общей тенденции к сдвигу ударения на конец еще и делает из неслогового У — У слоговое ударное типа Сно-упс (ср. довольно распространенное произношение Ма-угли).

Так что открытое английское *O*, не поддержанное графически (OW), хотя и произносится как дифтонг, может быть, целесообразнее транскрибировать по-русски как *O*.

Словом, точного воспроизведения звуков английского имени практическая транскрипция не предлагает, и всякие попытки добиться *полного* сходства ни к чему хорошему не приводят.

Бывает, что результаты транскрипции оказываются по каким-то причинам неприемлемы. Например, у меня в одном переводе был персонаж по фамилии Troor, хотя и отрицательный, но не настолько, чтобы называться Трупом. Сделать его Тропом мешали личные обстоятельства: у меня есть добрый знакомый с такой фамилией. Так что пришлось допустить вольность и назвать его Троупом.

Еще примеры. Мы пишем по-русски Хьюм и Вустер (Home, Worcester) в соответствии со звучанием этих имен. Но, скажем, транскрипционное изображение женского имени Lucia или географического названия [Nova] Scotia, которые выглядели бы примерно как *Луша* и *Скоша*, для русского текста не годятся. Форма *Луша* уже использована как уменьшительное от *Лукерья* и имеет пока еще социальную “деревенскую” окраску. (Сочетание, например, “принцесса Луша” воспринимается как парадоксальное или юмористическое.) А в слове *Скоша* при всем желании не услышишь латинского названия Шотландии.

В таких случаях, когда транскрипция не дает желаемых результатов, переводчик пользуется методом транслитерации, то есть воспроизведения написания имени. Английским латинским буквам тут соответствуют аналогичные русские буквы. При этом определенные устойчивые группы букв рассматриваются как элементы графики: ph — это ф, igh — ай и т. д. по так называемым правилам чтения.

С помощью транслитерации в хаотическое дело передачи английских имен удастся внести некоторые дополнительные элементы порядка. Так, становится возможным решить проблему редуцированной безударной гласной: не ДиккИнс, как предлагали у нас одно время приверженцы транскрипционной монополии, а ДиккЕнс — как пишется, а не как слышится. Или окончание на -с, его не имеет смысла писать то в виде з, то в виде с, это одно и то же окончание, оно изображается одной буквой: S, а что по-английски она иногда озвончается, в данном случае значения не имеет. Из соображений графических выработалось правило не писать в одном слове два удвоения. Например, Plackett — либо Плаккет, либо Плакетт. Успешно разрешается трудность, связанная с буквой R, которая по-английски то произносится, то не произносится (оставляя, впрочем, вместо себя след в виде удлинения предыдущей гласной, либо легкого призвука) — в зависимости от говора, индивидуального выговора и от положения в слове и фразе: Ross, Mark, Peter, Peter and Mark. Тут правило простое: там, где пишется R по-английски, пишем и по-русски. Это правило не требует и не терпит никаких исключений, и при неукоснительном его соблюдении не будут появляться такие монструозные образования, как Уолднет, Нодерн, потому что должно быть Уорлднет, Нордерн. Эти названия связаны со словами World, North (ср. Норд).

Но есть и еще один фактор, который влияет, и не может не влиять, на передачу иноязычных имен на русском языке. Вот, например, Hamlet, Prince of Denmark — Гамлет,

принц Датский. По нашим теперешним понятиям ему скорее следовало бы быть Хамлетом (или даже Хэмлетом), так как русское орфоэпическое Г — звук взрывной, а не фрикативный. Но и без фонетических рассуждений ясно, что он — Гамлет и должен оставаться Гамлетом, ибо именно в таком виде он давно и прочно вошел в русскую культуру и всем знаком.

Сегодняшние переводы делаются не на пустом месте, за ними стоит двухсотлетняя традиция. Ее приходится исподволь, понемножку преодолевать, но не считаться с нею нельзя, это было бы поступком антикультурным. С детства зная, что Онегин читал Адама Смита, поди попробуй назвать его Эдамом.

Или, скажем, Сеймур (Seymour) Гласс, герой Сэлинджера. В большинстве русских переводов он именуется Симор, по современному звучанию этого имени. Но тогда уж надо бы и Джейн Сеймур, жену короля Генриха VIII, вместе со всеми ее родичами, ведшими свою фамилию от норманнского замка Сен-Мор, переделать в Симор. И всех остальных исторических деятелей, носивших имя Сеймур. И даже некое ископаемое чудовище *сеймурию*, названное по местности, где оно было найдено, и саму ту местность. А иначе выходит, что Глассы нарекли своего первенца не старым английским именем, связывающим нынешние поколения с прежними, а ничего никому не говорящей кличкой.

В целом же на основании этого далеко не исчерпывающего обзора приходится сделать вывод, что в деле воспроизведения по-русски английских имен сегодня действительно все зыбко и неупорядоченно. Одновременно действуют несколько разных традиций. Американский президент Линкольн — Авраам, а Франклин — почему-то Бенджамин. Так повелось. В языке, в культуре, как в живом организме, идет одновременно много разных процессов на разных уровнях, работают разные связи. Выбирая то или иное решение, переводчик руководствуется одновременно многими соображениями — не только верностью звучания или написания, давними обычаями и связями, но и благозвучием, и случайными ассоциациями, подчас своими личными, прихотью художника.

Словом, даже имея в своем распоряжении набор правил и резонов, переводчик в конечном счете действует, подчиняясь интуиции, поступает, по русскому выражению, как бог на душу положит. И может быть, при обращении с чувствительным организмом языка это не самый тупой способ. Надо только, чтобы душа была трудящаяся, включенная в культуру и ощущающая нюансы.